

ИСТОРИОГРАФИЯ, ШКОЛЫ, КОНЦЕПЦИИ

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-1/302-311

© А.Ю. Кошелева, М.А. Никитин

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ АНТРОПОЛОГИИ ДВИЖЕНИЯ*

Понятие мобильности в гуманитарных и общественных науках авторы рассматривают с точки зрения методологии науки и предлагают четко отграничивать мобильность как объект (предмет) исследования и мобильность методов исследования. Соблюдая логику исследования, авторы обращаются к истории вхождения темы мобильности в науку и рассматривают ее в методологическом ключе – мобильность как научный предмет и мобильность как научный метод. Авторы согласны с концепцией «мобильного поворота» в части развития предметного поля науки и поддерживают стремление изучать социальные и гуманитарные процессы именно как движущиеся, а не статичные объекты. Это современное понимание объекта науки открывает интересные исследовательские перспективы в научном отображении картины мира. В статье авторы выдвигают тезис: мобильность как самостоятельный объект исследования – это, во-первых, движение как перемещение и, во-вторых, движение как изменение. Это два разных представления движения, которые возможно изучать как совместно, так и отдельно, в зависимости от обозначения предмета исследования. Вместе с тем авторы призывают с осторожностью относиться к идее радикальной смены научного метода и так называемой четвертой парадигме и предлагают оставаться в методологических вопросах более консервативными, не принимая «мобильный поворот» сам по себе за смену способов научного познания мира.

Ключевые слова: экспериментальная антропология, междисциплинарность, мобильный поворот, эмпирическая антропология, антропологическая скорость

Ссылка при цитировании: Кошелева А.Ю., Никитин М.А. К вопросу о методологии антропологии движения // Вестник антропологии, 2022. № 1. С. 302–311.

Кошелева Анна Юрьевна – к.юрид.н., доцент Кафедры общественных связей, туризма и гостеприимства Факультета востоковедения и социально-коммуникативных наук, РГГУ (125047 Москва, Миусская пл., 6). Эл. почта: ank1204@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7615-196X>

Никитин Максим Александрович – к.и.н., научный сотрудник Отдела русского народа, Институт этнологии и антропологии РАН (119991 Москва, Ленинский просп., 32А). Эл. почта: proisel@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-7068-9753>

* Работа выполнена в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

TO THE METHODOLOGY OF THE ANTHROPOLOGY OF MOVEMENT

This essay analyzes the dilemma of mobility in anthropological and social studies. Understanding culture as a “process” or rather as a “product” reflects the idea of the “mobility turn” suggested by J. Urry. The authors agree that adapting static methods to dynamic subjects is a non-starter. However, while some may think it takes a paradigmatical change to study dynamical subjects, it can be done with basic epistemic rules and instruments enriched with a mobile approach and enormous digital data. The authors consider possible collaboration with other disciplines to use their experience in mobile studies. This brings us to the experimental part of cultural anthropology. Acknowledging the importance of mobile methods, the authors distinguish between technical aspects and gnoseology. The dynamic nature of the subject requires the researcher to trace its substantial changes. It is thus essential for mobile research to synchronize all the multiple processes to be successful.

Keywords: *experimental anthropology, interdisciplinarity, mobility turn, empirical anthropology, anthropological speed*

For Citation: Kosheleva A.Yu., and M.A. Nikitin 2022. To the Methodology of the Anthropology of Movement. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 302–311.

Author Info: **Kosheleva, Anna Yu.** – Ph.D., assistant professor of Public Relation, Tourism and Hospitality of Department of Oriental Studies and Social-Communicative Studies, Russian State University for Humanities (Moscow, RF). E-mail: ank1204@yandex.ru

Nikitin, Maxim A. – Ph.D., Researcher of the Department of the Russian People, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, RF), E-mail: maxim.nikitin@iea.ras.ru

Постановка и обоснование проблемы

В апреле 2021 года на научной сессии Общего собрания Отделения историко-филологических наук РАН (ОИФН РАН) «Гуманитарные науки в эпоху цифровизации» состоялась дискуссия о значении технического прогресса последних десятилетий для гуманитарных исследований. Точнее было бы сказать, что продолжилась дискуссия, начавшаяся во второй половине прошлого столетия после появления электронно-вычислительных систем и первых попыток оценки перспектив их влияния на научно-исследовательскую деятельность в гуманитарной сфере. В ту эпоху появились работы, посвященные количественным методам и применению математического анализа в истории, (Ковальченко 1984) образовалось научное направление квантитативная история, при Отделении истории АН СССР была создана Комиссия по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях. Но дискуссия тех лет не привела к серьезным изменениям парадигмы гуманитарных наук. Революция

не произошла и неопозитивизм отступил до настоящего времени. Новая волна интереса к вычислительным технологиям связана с распространением анализа больших данных, «искусственного интеллекта» и перспективных квантовых компьютерных систем, сулящих экспоненциальный рост вычислительных процессов.

Ретроспективный характер обсуждения на общем собрании ОИФН РАН выразился и в трактовке двух основных направлений цифровизации гуманитарных наук: методическом и дескриптивном. В первом случае современные технологии способствуют повышению производительности исследователей, во втором случае цифровизацией называют новые способы хранения исследовательских материалов и репрезентации полученных результатов исследования в медиа пространстве. Причем в последнее время все больше и больше доминирует второй подход. Третье, наиболее перспективное направление цифровизации, связано с растущим значением цифровой реальности, которая не только отражает аналоговый мир, но и становится самостоятельным полем в виде цифровой культурной среды, оказывающей растущее влияние на «аналоговую» действительность. Интенсивное развитие новых технологий и сервисов вынуждает исследователей рефлексировать их как составную часть актуальных культурных процессов и как исследовательский инструмент одновременно. Ускорение научной работы за счет автоматизации рутинных процессов и обмена информацией – одно из очевидных завоеваний технического прогресса, о чем на конкретных примерах рассказывали участники упомянутой научной сессии Общего собрания. Но меняется ли при этом сам метод?

Почти 90 лет назад Р. Линтон призывал рассматривать культуру в виде процесса – постоянно меняющимся континуумом. Он также обратил внимание на то, что скорость изменения культур может быть существенно различной (*Linton 1936: 296*). Анализ динамических систем – задача сверхсложная. Мы замечаем не скорость, а ускорение и связанные с ним изменения, которые в последнее время в некоторых странах увеличивались экспоненциально (*Friedman 2017: 17*). Видимо по этой причине призыв к эмпирическому изучению антропологической динамики не находил широкой поддержки среди коллег до недавнего времени. Но ограниченность статичных подходов к исследованию социокультурных процессов стала особенно очевидна по мере их акселерации.

Динамика предмета исследования в общественных и гуманитарных науках – это своего рода многомерный подход, так как для динамики необходимо пространство. Динамика – это синоним акселерационного анализа, потому что она не постоянна и подразумевает порядковые вычисления.

На каждом этапе своего развития наука, с очередным значительным открытием обращает внимание на гносеологический аспект нового витка полученных знаний.

Немногом более десятилетия в социальных и гуманитарных науках, в предметное поле которых входит изучение человека в обществе, существуют новые направления мобильных и цифровых методов. Если в первом случае предметная область стала рассматриваться в пространственном аспекте, то во втором случае с одной стороны предмет и поле были расширены за счет компьютерной реальности, а с другой стороны стали применяться вычислительный потенциал современных информационных систем.

Это направление, вместе с методами, методиками, инструментами и правилами вывода объединяют термином «мобильный поворот». Названный термин принадлежит

Дж. Урри, который, подобрав ключ к идее движения, выделяет 12 основных форм мобильности (Урри 2012: 79), отмечая, что «в целом мобильности были «черным ящиком» социальных наук, их обычно рассматривали как нейтральный набор процессов, которые просто способствуют формированию экономической, социальной и политической жизни, объяснимой при помощи других, более мощных с точки зрения причинности процессов» (Урри 2012: 82). Но в противовес такому положению дел, представив мобильности в качестве самостоятельного предмета исследования, Дж. Урри предлагает мобильный поворот, который не просто нов, но более того – он «постдисциплинарен, он ведет к упразднению сложившейся схемы наук и дисциплин» (Урри 2012: 72).

Книга «Мобильности» Дж. Урри и другие исследования в этом направлении оказали огромное влияние на практику исследований, например, в теме развития городских пространств, антропологии пандемий, и других темах, результаты которых наглядны и эффективностью своей очень привлекательны. Вполне естественно, что в результате такого позитивного исследовательского эффекта, который дали исследования мобильности, открылась в науке дискуссия о новой методологии, новой научной парадигме, необходимости новых подходов в общественных и гуманитарных науках.

Какая-то часть этой дискуссии уже прозвучала, и аргументы известны. Однако все-таки единое научное мнение отсутствует. Это обусловлено внутренними сложностями в ряде вопросов предмета и метода: во-первых, очевиден успех культурной антропологии и социологии в ориентации части своих исследований на мобильность, и этот успех, возможно, несет в себе потенциальную универсальность для других социальных и гуманитарных наук; во-вторых, развитие технологий дает большие возможности в плане отдельных методов исследования и сбора информации, но как именно методику таких исследований задавать и результаты использовать – обсуждается.

Рассмотрим немного подробнее историю дискуссии, запущенной успехами мобильного поворота и работами Дж. Урри и соавторов.

Методологический обзор мобильности: предмет науки и научный метод. Вопросы смены парадигмы

М. Шеллер дает объяснение мобильного поворота в своей статье «Новая парадигма мобильностей в современной социологии» (Шеллер 2016), включая в рассмотрение не только социологию, но и другие науки, в том числе антропологию. Она объясняет: «изучение мобильностей связано не только с телесным перемещением людей, но и с воображаемыми, визуальными, коммуникативными путешествиями» (Шеллер 2016: 5). Она особо отмечает, что «многие социологи, антропологи, историки критикуют идею «поворота мобильностей», якобы считающую мобильность ценностной нормой, желанным статусом» (Шеллер 2016: 5) и не согласна с таким подходом, уточняя, что «исследователи мобильностей сегодня ставят вопрос не о предпочтении потоков, скоростей, космополитизма или номадной субъектности, а скорее об отслеживании силы дискурсов, практик, инфраструктур при создании эффекта (и аффектов) движения/покоя» (Шеллер 2016: 5). Переходя к вопросам методологии, М. Шеллер пишет: «Одно из самых важных достижений исследований мобильности – активные эксперименты с множественными методами, создание новых «мобильных методов», способных схватить, исполнить, даже вмешаться в процесс движения» (Шеллер 2016: 9).

В соавторстве М. Шеллер и Дж. Урри получился перечень мобильных методов, который мы приведем полностью: «интеракционный анализ и анализ разговоров людей в движении; мобильные этнографии – передвижение людей, сопровождение объекта, параллельное погружение в разные виды движения; интервью по горячим следам и фокус-группы по мобильности; текстовые, изобразительные, дигитальные – пространственно-временные дневники; методы киберисследований, кибер-этнографии и компьютерной симуляции; воображаемые путешествия с использованием мультимедиа, фиксирующих аффективные и иные ощущения места; отслеживание объектов, будящих чувства, память о месте; наконец, методы измерения структур пространства и темпорального пульса переходных точек и мест, промежутков, где циркуляция людей и объектов замедляется, останавливается, ускоряется/растёт» (Шеллер 2016: 9).

Обзор основных мобильных методов в своей статье дает О.Н. Запорожец (Запорожец 2017) и характеризует интересующую нас методологическую проблематику таким образом: «...Создание новых теорий и языков описания значительно опережало разработку инструментов исследования. Было понятно, что изучать, но было не очень понятно, как это делать» (Запорожец 2017: 38). В статье она рассматривает мобильные методы совместного перемещения (совместная прогулка, совместная поездка, биографическая прогулка); следование тенью; модальный анализ (Запорожец 2017: 42–43; 44–58).

Исследователи говорят также о других типах новых методов, которые тоже можно отнести к мобильным: возможности современных технологий и устройств отлично представлены большими данными, и они тоже оказывают существенное влияние на понимание методологической ситуации в науке. В большой статье, посвященной big data, вопросу о смене научных парадигм и другим актуальным проблемам методологии социальных и гуманитарных наук, Р. Китчин (Китчин 2017) формулирует несколько интересных и заслуживающих внимания позиций. Он критикует «новый эмпиризм, или конец теории» – методологическое направление, характеризующееся использованием результатов, полученных из больших данных, основанным на корреляции без причинного объяснения: «если данные и могут быть интерпретированы вне контекста и без наличия специфических для конкретной области знаний, построенная на подобной эпистемологии интерпретация, скорее всего будет неполной или не проясняющей сути дела, так как она остается в стороне от контекста текущих дискуссий и накопленных знаний» (Китчин 2017: 126). Но предполагает перспективу за другим направлением, – наукой, «идушей от данных»: это «модификация традиционного научного метода, вводящая новый способ построения теорий» (Китчин 2017: 129), такая вариация «ориентирована на необходимость придерживаться основ существующей научной методологии <и> подразумевает применение направленных методик поиска знаний для определения возможных вопросов (гипотез), представляющих интерес для дальнейшей разработки и проверки» (Китчин 2017: 126–127). Основное отличие науки, идущей от данных, от нового эмпиризма в том, что последний отрицает вопросы традиционного научного процесса, теоретического – а по сути, причинного – объяснения происходящих событий, получаемых результатов, объяснения будущего развития процессов, и считает достаточными корреляционные выводы, сделанные машиной на основе программного анализа больших данных.

J. Voase и L. Humphreys в редакционной статье «Mobile methods: Explorations, innovations, and reflections» (Voase, Humphreys 2018) отмечают грань между мобильностью как предметом исследования и мобильными методами. Предлагаемую ими логику де-

монстрируют следующие их позиции: «Для тех, кто работает в традиции поведенческой науки (курсив наш. – А.К., М.Н.), большой объем кешированных данных журнала, содержащийся на мобильных устройствах, открывает новые возможности наряду с серьезными этическими и методологическими проблемами... Для тех, кто работает в традиции интерпретации (курсив наш. – А.К., М.Н.), роль мобильных устройств во многих аспектах социальной жизни требует переосмысления контекста исследования» (Boase, Humphreys 2018: 154). Авторы отмечают, что их подход к мобильным методам немного отличается от собственно социологического, то есть предложенного Дж. Урри и его последователями: «мы ограничили наш подход к мобильным методам для того, чтобы сосредоточиться на том, как технологии мобильной связи используются для изучения социальных явлений. Смартфоны за 10 лет покорили человечество и сейчас представляют собой исчерпывающий источник информации о своем обладателе (Эрикссон 2020: 46). В первую очередь это касается различных приложений для смартфонов, таких как: текстовые сообщения, камеры и карты, а также индивидуализированных приложений для сбора данных или социальных открытий (social invention)» (Boase, Humphreys 2018: 154). Авторы справедливо отмечают, что «мобильные методы в исследованиях мобильности могут использовать или не использовать технологию или среду мобильной связи, и поэтому они намного шире, чем то, как мы определили мобильные методы в этом специальном разделе» (Boase, Humphreys 2018: 154).

Итак, как видно из изложенного, в период с середины 2000-х до ближайшего настоящего времени тема мобильностей в социологических и гуманитарных науках оказала огромное влияние на научную рациональность. Значение темы мобильности таково, что обоснованно требует рефлексии, которая пока вовсе не останавливается, и исследования собственного научного предмета продолжают наряду с исследованиями области, которую можно назвать научным самопониманием. Конечно, социальные и гуманитарные науки нуждаются в периодическом переосмыслении методологии, так как предметы их исследований очень сложные, а методология обосновывает научные выводы и верифицирует полученное знание относительно объекта исследования – человека и общества. Различные науки о человеке и обществе по-разному берут этот объект познания: социология делает акцент на обществе, история – на прошлом, этнография – на обществах в их культурной самоидентичности, антропология – на человеке в обществе, психология – на человеке внутри себя, юриспруденция – на нормах и процедурах обязательного социального поведения. Корректная методология верифицирует полученное научное знание и позволяет продолжать исследования, но исследования сами по себе подчиняются стандартным законам мышления: анализ, синтез, следование от посылок к выводам, вычленение общего, поиск особенного, дедукция, индукция и другие логические операции, которые мы совершаем с имеющимся знанием или имеющимися данными для того, чтобы получить новое знание¹. В этом смысле человеческое мышление вообще и научное в частности, как процесс, вероятно, не изменяется значительно со временем, хотя процесс научного познания зависит не только от мышления, но и от того, какими данными располагает исследователь для анализа: каков объем этих данных, их качество, детальность, повторяемость, воспроизводимость, универсальность и т.д. Таким образом, методология научного познания

¹ Например, Р. Китчин в цитированной статье со ссылкой на Ч.С. Пирса упоминает абдукцию, цель которой «построение обоснованного и разумного заключения, которое не обязательно окончательно и не подлежит сомнению». См.: Китчин 2017: 128.

определяется не только мышлением исследователя, но и материалом, которым оно (мышление) оперирует. Эмпирический материал и исходные данные находятся в зависимости от возможности их получать или собирать. С появлением новых инструментов заметно трансформируется именно этот момент методологии: исследовательское качество исходного материала или эмпирических данных. По мере развития цифровой реальности, формирования динамических цифровых профилей и появления вычислительного потенциала для их анализа гуманитарные и общественные науки получают возможность оперировать исчерпывающей информацией о предмете исследования, а не выборками. И одновременно научный процесс продолжает быть основан все на тех же самых мыслительных операциях и причинное объяснение доминирует в науке.

Обсуждение смены научной парадигмы в связи с мобильным поворотом активно происходит в научном мире. Постдисциплинарность мобильного поворота, заявленная Дж. Урри, вкуче с экстрановизной и вариативностью мобильных методов, основанных на сочетании устройств и технологий, даже ставят вопрос о четвертой научной парадигме. Что относительно этого в логике и методологии науки происходило до сих пор? Во-первых, парадигмы были выявлены только ретроспективно. Традиционно науки различали по *объекту* познания на науки о природе и науки о духе. Затем В. Виндельбанд в своей речи «История и естествознание», произнесенной при вступлении в должность ректора страсбургского университета 1 мая 1894г. предложил разделять науки по научному *методу* на номотетические и идиографические: «одни из них суть науки о законах, другие – науки о событиях; первые учат тому, что всегда имеет место, последние – тому, что однажды было» (Виндельбанд 1904: 320). Позднее, Т. Кун, исследуя рациональность в науках вообще, обнаружил периодические смены парадигм научного знания, и предложил отличать нормальную науку как деятельность по решению головоломок (с устоявшимся предметом и методом) и научные революции как изменение взгляда на мир (ситуации, в которых нормальная наука не может объяснить новую проблематику) (Кун 1977). Тесно связанный с понятием «нормальная наука» термин «парадигма» характеризуется состоянием, при котором научные труды а) в достаточной мере беспрецедентны, чтобы привлечь на длительное время группу сторонников из конкурирующих направлений научных исследований; и б) достаточно открыты, чтобы новые поколения ученых могли в их рамках найти для себя нерешенные проблемы любого вида (Кун 1977: 28).

Итак, современная методологическая ситуация в социальных и гуманитарных науках такова, что, во-первых, мобильности или их новые трактовки активно вошли в предмет исследования; во-вторых, предполагается, что мобильному предмету – мобильные методы, и исследователь должен перемещаться вслед за объектом исследования; в-третьих, технологии порождают особенный класс мобильных методов, то есть методов, даваемых мобильными устройствами; и, наконец, в-четвертых, говорят о том, что эти современные направления знаменуют смену научной парадигмы.

Для исследователя находиться в процессе смены научной парадигмы и наблюдать ее изнутри очень интересно; парадигма меняется со сменой типа научной рациональности, однако действительно ли сейчас, на основе темы мобильностей, происходит эта смена, – будет точно известно только когда она уже произойдет, оформится и превратится в историю науки. Вообще, наблюдать за сменой парадигмы изнутри – это, собственно, и есть наблюдение движущегося объекта в движении. Но всегда ли это нужно? Смена типа научной рациональности зависит не от осмысления ее в процессе перемен и

управлять этим процессом рефлексия не может, поскольку тип научной рациональности определяется состоянием научных взглядов исследователей, состоянием нашей науки, а не результатами наблюдения. Поэтому изучение вопроса о том, происходит ли сейчас в связи с мобильным или другими поворотами смена парадигмы или не происходит – это необходимая для самоверификации текущая научная рефлексия.

Мобильные методы в обоих смыслах (и как перемещение исследователя за движущимся объектом изучения, и как получение различных данных с мобильных устройств) действительно произвели заметный эффект в социальных и гуманитарных науках. Движение изучалось и до мобильного поворота, но в сегодняшнем состоянии мобильностям уделяется более пристальное внимание, что обусловлено не только фактом принятия движения в качестве особенного объекта, но и разработкой новых методов, дополненных использованием современных технологий.

Движение: особенный предмет исследования, особый методологический подход

Движение в качестве особенного объекта исследования может иметь два представления: 1) движение как перемещение и 2) движение как изменение. В зависимости от объекта и целей исследования эти представления можно разделить или совместить. Для научной цели познания движение берется в настоящем или в прошлом, а если вести речь о научной цели прогнозирования, то моделируется движение в будущем.

Пандемия вынудила человечество осознано подходить к социокультурной и антропологической динамике, так как распространение вирусов коррелирует с мобильностью человека.

Перемещение человека, информации и предметов в пространстве – это движение, подчиняющееся физическим законам. Изменение представлений, отношений, идентичности, культурных форм, а также дрейф этничности и другие нелинейные процессы можно измерять формулами определения производительности, экономической и демографической статистики, химической кинетики. Применение аналоговых формул движения позволит измерять их и в культурной антропологии.

Предполагаем, что физические формы антропологического движения приводят в конечном счете к качественным изменениям. Также как химическая реакция всегда является следствием физического воздействия. Но как повлияет увеличение физической скорости на качественные метаморфозы? Очевидно, что «естественные» скорости, связанные с когнитивными и демографическими процессами, растягивают социокультурные и антропологические процессы на поколения. Однако, ускорение социокультурных процессов приводит к глобальным изменениям, и ученые ставят вопросы о будущем миропорядке и судьбе государственных образований (*The Fate of the Nation-state 2004: 153*). *Управление динамикой открывает перспективы сбалансированного и гармоничного устойчивого общественного развития.* Управлять скоростью изменений необходимо также из-за ограниченной адаптивной способности (скорости) общества. Синхронизация культурных и социальных процессов – обязательное условие эффективной модернизации, позволит избежать перегрева (*Эрикссон 2020: 48*). Например, современные технологии оказывают заметное влияние на рынок труда. С внедрением инноваций растет когнитивная нагрузка на человека. Скорость адаптаций к нововведениям индивидуальна и может вызывать чувства

беспокойства (*Rogers 2003: 11*). Если не регулировать их внедрение, то безработица, вызванная их внедрением, может стать причиной социальной напряженности.

Интересным свойством мобильных методов является то, что в чистом виде они сочетаются только с тем движением, которое происходит в настоящем. Если речь идет о прошлом или будущем движении, то мобильные методы отходят на второй план, и исследование опирается на обычные научные методы, которые по своей сути есть мышление: анализ, синтез, дедукция.

Самое наглядное исследование с применением мобильных методов получается при изучении перемещения (вид движения), происходящего в настоящий момент. Изменение (другой вид движения), которое происходит в настоящее время, уже не является таким наглядным, и его изучение требует большой подготовки в плане того, какие вопросы ставятся перед исследованием, какие именно методы применяются и как анализируются результаты. Здесь мобильные методы превращаются в дополнительный инструментарий, и основными методами снова становятся законы мышления. Прошлое движение, как перемещение, так и изменение, могут изучаться с помощью мобильных методов при условии, что такое движение смоделировано; точно так же обстоит дело с прогнозированием будущего движения.

Стоит отметить, конечно, особенную роль социологии в развитии мобильных методов. Среди социальных и гуманитарных наук именно здесь происходили плодотворные поиски и приспособления новых технологий к запросам науки. Методологические успехи социологии в плане использования новых технологий могут быть адаптированы другими науками, изучающими человека и общество, в той мере, в которой они будут применимы и приемлемы. К междисциплинарным заимствованиям можно допустить и отдельные научные выводы. Поэтому при использовании мобильных методов вслед за социологией можно исследовать междисциплинарное соотношение, например, антропологии и социологии, в той части, в которой обе эти науки изучают те или иные аспекты человека и человеческого общества.

Таким образом, основой научной методологии, даже методологии движения, остаются законы научного мышления, поэтому мобильный поворот предоставляет большой, но дополнительный, инструментарий исследований, и не заменяет обычную научную аналитическую работу и не обязательно символизирует смену парадигм. Мобильные методы дали широчайшие возможности при исследовании наличного движения – *перемещения* и обогатили предмет науки, позволяя получать щедрые научные результаты. Использовать мобильные методы для изучения наличного движения – *изменения* уже сложнее; а что касается движения в прошлом или прогнозов на будущее движение, то здесь мобильные методы вряд ли применимы вне моделирования объекта исследования. Также важны и междисциплинарные связи социальных и гуманитарных наук в вопросе как изучения самих мобильных методов, так и возможных заимствований полученных результатов. Коллаборация подходов разных научных дисциплин к изучению и измерению движения позволит управлять динамическими процессами в интересах всего человечества.

Научная литература

- Виндельбанд В. Прелюдии: Философские статьи и речи / пер. со 2-го немецкого издания С. Франка. СПб, Издание Д.Е. Жуковского, 1904. 374 с.
- Запорожец О.Н. Мобильные методы: исследование жизни в движении. Социология: 4М.

2017. № 44. Стр. 37–72.

Китчин Р. Большие данные, новые эпистемологии и смена парадигм // пер. с англ. О.Н. Шавоной / Социология: 4М. 2017. № 44. Стр. 111–152.

Ковальченко И.Д. (отв. ред). Количественные методы в исторических исследованиях. М.: Высшая школа, 1984.

Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ., издание второе. М.: Издательство «Прогресс», 1977. 300 с.

Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А.В. Лазарева, вступ. статья Н.А. Харламова. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. 576 с.

Шеллер М. Новая парадигма мобильностей в современной социологии // пер. с англ. Н.В. Романовского, с сокращ. Социологические исследования, 2016. № 7. Стр. 3–11.

Эрикссон Т.Х. Время: (а)синхронность в эпоху смартфонов. Сибирские исторические исследования, 2020. № 2. DOI: 10.17223/2312461X/28/3

Boase J., Humphreys L. «Mobile methods: Explorations, innovations, and reflections» // *Mobile Media & Communication*, 2018. № 6 (2). Стр. 153–162. <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2050157918764215> (доступ дан. 22.03.2021)

Everett M. Rogers «Diffusion of Innovations, 4th Edition Paperback». New York: Free Press, 1995.

Linton Ralph «The Study of Man». New York: Appleton Century Crofts, Inc.1936.

Michel Seymour The Fate of the Nation-state/ Are Nationstates Obsolete? The Challenge of Globalization McGill-Queen's University Press – MQUP, 2004.

Thomas L. Friedman «Thank You for Being Late: An Optimist's Guide to Thriving in the Age of Accelerations». New York: Farrar, Strauss and Giroux, 2016.

References

Eriksson, T.H. 2020. Vremya: (a)sinhronnost' v epohu smartfonov [Synchronisation and de-synchronisation in the era of the smartphone]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya 2*: DOI: 10.17223/2312461X/28/3.

Everett, M. Rogers 1995. «*Diffusion of Innovations, 4th Edition Paperback*». New York: Free Press.

Boase, J., L. Humphreys 2018. «Mobile methods: Explorations, innovations, and reflections». *Mobile Media & Communication* 6 (2): 153–162. <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2050157918764215> (access 22.03.2021).

Friedman, T.L. 2016. *Thank You for Being Late: An Optimist's Guide to Thriving in the Age of Accelerations*. New York: Farrar, Strauss and Giroux.

Kitchin R. 2014, 2017. Bol'shie dannye, novye epistemologii i smena paradigm, per. s angl. O.N. Shavoj [Big Data, New Epistemologies and Paradigm Shifts]. *Sociologiya* 44: 111–152.

Kovalchenko I.D. (ed) 1984. *Kolichestvennye metody v istoricheskikh issledovaniyah* [Quantitative methods in historical research]. Moscow: Vysshaya shkola.

Kuhn T. 1962, 1977. *Struktura nauchnyh revolyucij / per. s angl., izdanie vtoroe* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow.: Izdatel'stvo «Progress». 300 s.

Linton, R. 1936. *The Study of Man*. New York: Appleton Century Crofts, Inc.

Seymour, Michel. 2004. *The Fate of the Nation-state/ Are Nationstates Obsolete? The Challenge of Globalization*. London: McGill-Queen's University Press – MQUP.

Sheller M. 2014, 2016. Novaya paradigma mobil'nostej v sovremennoj sociologii / per. s angl. N.V. Romanovskogo, s sokrashch [The New Mobilities Paradigm for a Live Sociology]. *Sociologicheskie issledovaniya* 7: 3–11.

Urry, J. 2007, 2012. Mobil'nosti [Mobilities]. per. s angl. A.V. Lazareva, vstup. stat'ya N.A. Harlamova. Moscow: *Izdatel'skaya i konsaltingovaya grupa «Praksis»*.

Windelband, W. 1894, 1904. *Prelyudii: Filosofskie stat'i i rechi* [Prelude: Philosophical Articles and Speeches]. St. Petersburg: Izdanie D.E. Zhukovskogo.

Zaporozhec, O.N. 2017. Mobil'nye metody: issledovanie zhizni v dvizhenii [“Mobile methods”: studying life in motion]. *Sociologiya* 44: 37–72.